

Миллер Всеволод Федорович

Очерки русской народной словесности

Том 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В84

В84 **Всеволод Федорович М.**
Очерки русской народной словесности: Том 3 / Миллер Всеволод Федорович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 360 с.

ISBN 978-5-519-96469-2

ISBN 978-5-519-96469-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ОТДЕЛ I. Былины.

1. Очерк истории русского былинного эпоса. Главы I—II. (Печатаются впервые) 3
2. К былинам об Илье Муромце и Соловье-Разбойнике. (Известия Отдел. русск. яз. и слов. Академии Наук, 1912 г., т. XVII, кн. 4) 91
3. К вопросу о возрасте и казачестве Ильи Муромца. (Журн. М. Н. П., 1912 г., № 2) 136
4. К былинам о бое Ильи Муромца с Добрыней. (Ж. М. Н. П., 1912 г., № 8) 148
5. О некоторых местных отголосках в былинах. (Известия Отдел. русск. яз. и слов. Ак. Н., 1911 г., т. XVI, кн. 4) 169
6. К былинам о Соломане и Василии Окуловиче. (Ж. М. Н. П., 1913 г., № 3) 174

ОТДЕЛ II. Исторические песни и предания.

1. К песням о взятии Казани. (Этнограф. Обзор., 1909 г., кн. 81—82) 205
 2. Русские и инородческие предания о казанском походе Ивана Грозного. (Этногр. Обзор., 1913 г., кн. 95—97) 220
 3. О некоторых песенных отголосках событий царствования Ивана Грозного. (Ж. М. Н. П., 1913 г., № 7) 285
 4. Казацкие эпические песни XVI и XVII вв. (Ж. М. Н. П., 1914 г., №№ 5 и 6) 249
 5. К песням, сказкам и преданиям о Петре Великом (Русск. Филолог. Вестн., 1909 г., № 1) 337
 6. Былины и исторические песни в качестве обрядовых. (Русск. Мысль, 1912 г., № 3) 344
-

От редактора.

Вскоре после смерти (5/18 ноября 1913 года) акад. Всеволода Федоровича Миллера Отделением русского языка и словесности Российской Академии Наук было предпринято издание третьего тома его „Очерков“ под наблюдением А. В. Маркова. Печатание шло очень медленно, так как книга печаталась в Москве, а А. В. Марков жил в Тифлисе, состоя преподавателем Высших Женских Курсов, и к 1917 г., когда и его, в свою очередь, постигла смерть, было отпечатано немного более половины тома. Наблюдение за изданием было поручено пишущему эти строки, но неблагоприятные условия печатного дела и недостаток средств заставили Академию приостановить печатание „Очерков“ на неопределенное время.

Том III „Очерков“, разделяющийся на два отдела: отд. I — былины, отд. II — исторические песни и предания, был отпечатан еще до 1918 г., за исключением листа 21-го, оставшегося в корректуре: пришлось заново печатать пропущенный лист и подпечатать пострадавшие от разных причин за время долгого лежания в типографии отдельные экземпляры других листов. Изложенная история книги объясняет необычный для настоящего времени внешний вид ее: она была отпечатана по старой орфографии, которую пришлось сохранить и для вновь отпечатанного 21-го листа.

Сделанная Всеволодом Федоровичем в предисловии к т. II „Очерков“ общая характеристика своих работ приложима и к т. III, но мы должны присоединить к ней то, чего не мог сказать о себе покойный академик. Богатая эрудиция, строгий историко-сравнительный метод, осторожность обобщения и ученое остроумие бесспорно придают выдающееся значение трудам Всеволода Федоровича по народной словесности. Даже и в тех случаях, когда новейший исследователь не согласится с теми или иными выводами автора, работы Всеволода Федоровича останутся незаменимым пособием благодаря критическому рассмотрению литературы вопроса, обилию привлеченных к делу новых материалов (между прочим, экономического характера) и самому методу исследования. Не вдаваясь в подробности, сошлюсь на оценку научной деятельности Вс. Ф. хотя бы в посвященной его памяти книжке „Этнографического Обозрения“, 1913 г., № 3—4.

Настоящий том „Очерков“ представляет для исследователей и любителей народного эпоса особенный интерес, так как содержит до сих пор не появлявшуюся в печати работу — „Очерк истории русского былинного эпоса“. Эта работа является замечательным опытом „построения полного и прочного учения о былевом эпосе“, надежду на близкое появление которого Вс. Ф. высказывал в предисловии к т. I „Очерков“. Здесь автор на основании как своих, так и чужих детальных исследований проследил историю былевого эпоса, на широком бытовом и экономическом фоне, от XI века по XIV. Дальнейшее построение прервано смертью ученого, но выводы, к которым он пришел, отчасти намечены в статьях настоящего тома и тома II.

Высокая научность и живое литературное изложение позволяют рекомендовать выпускаемый том также учащим и учащимся средней школы в качестве надежного и доступного не для одних специалистов пособия.

Н. Васильев.

Б Ы Л И Н Ы.

Очеркъ исторіи русскаго былиннаго эпоса.

ГЛАВА I.

Нъ исторіи русскаго былевого эпоса.

Въ теченіе двухъ послѣднихъ десятилѣтій появилось немало изслѣдованій отдѣльных сюжетовъ нашего былевого эпоса. Содержаніе былинъ освѣщалось, съ одной стороны, привлеченіемъ многочисленныхъ «параллелей» изъ области фольклора, съ другой—уясненіемъ бытовой исторической основы, насколько она сохранилась въ дошедшихъ до насъ позднихъ редакціяхъ былинъ. И тотъ, и другой путь въ разработкѣ нашего эпоса привелъ къ нѣкоторымъ цѣннымъ результатамъ. Если пути кочеванія бродячихъ мотивовъ въ большинствѣ случаевъ оставались неуясненными, если одни изслѣдователи настаивали на внесеніи какого-нибудь мотива съ запада, а другіе съ востока, если время его заноса на русскую почву по большей части оставалось гадательнымъ, то, во всякомъ случаѣ, часть содержанія нашихъ былинъ вводилась въ связь со средневѣковымъ европейскимъ и азіатскимъ фольклоромъ вообще, и изслѣдователи получали болѣе правильный, чѣмъ прежде, взглядъ на долю творчества русскаго народа и уясняли себѣ до нѣкоторой степени процессъ духовной работы слагателей былинъ. Разработка былинъ съ историко-бытовой стороны была еще болѣе плодотворна. Историческія черты, сохранившіяся въ былинахъ, напримѣръ, имена и отголоски какихъ-нибудь историческихъ событій, давали иногда возможность приурочить созданіе перваго типа быliny къ опредѣленному времени или къ опредѣленному району Россіи. Вообще за послѣднія десятилѣтія накопилось немало интересныхъ отдѣльных наблюденій въ области «литературной» (sit venia verbi) исторіи былинъ и является потребность суммировать ихъ и спросить себя, не можетъ ли, при современномъ состояніи научной разработки нашего эпоса, уже быть намѣченъ ходъ его развитія отъ древнѣйшихъ временъ до нашего времени. Намъ кажется, что время для этого уже наступило. Конечно, мы не можемъ льстить себя надеждой на то, что исторія нашего былевого эпоса будетъ вполне разъяснена уже въ настоящее время: новые матеріалы и, быть можетъ, новые, неизвѣстные еще намъ, приемы научной разработки должны внести болѣе прочности и основательности въ пониманіе и построеніе этой исторіи, но все же мы думаемъ, что въ ходѣ научныхъ изслѣдованій такіа попытки время отъ времени обозрѣвать пройденный путь и дѣлать выводы изъ массы накопившихся отдѣльных наблюденій прино-

сать свою пользу. Исходя из этой мысли, я попытаюсь в дальнейшем снова пересмотреть вопрос о зачатках былинного творчества на Руси и о дальнейших ступенях в его развитии, приводящих наш былевой эпос к тому состоянию, в котором он дожил до наших дней.

Познакомимся сначала с мнением, высказанным А. В. Марковым, который последний останавливался на вопросе о времени сложения наших былин, пользуясь разбором отдельных былин и особенно отождествлением встречающихся в них имен с историческими.

«Новейшие исследователи, говорит г. Марков, отмечая ряды переработок одних и тех же былинных сюжетов, относят эти переработки к разным эпохам, находя в современных текстах преимущественно черты XII—XVII вв. Итак, если даже не считать миеологических увлечений старой школы, жизнь былин определяется все же громадным промежутком времени в восемь столетий, с X по XVII. Против таких выводов, конечно, трудно что-нибудь возразить; но для нас важнее определить эпоху, когда возникло ядро русского эпоса, когда творчество было наиболее интенсивным, когда выработались его технические приемы, определившие навсегда характер былин. Для этого необходимо обратить внимание на основные факты их содержания. Таковыми, несомненно, являются: борьба со степными кочевниками, особенно с татарами, память о преобладающем значении Киева (до второй половины XII в.) и о принадлежности Чернигова к русским городам (до второй половины XIV в.), новгородская вольность, развитие коллективного паломничества в Иерусалим, представление Руси княжескою. Все это указывает на до-московский период русской истории, особенно на в. XII—XIV»¹⁾. Указав затем на былинныя события и имена, засвидетельствованные памятниками письменности XII—XV в.в., автор приходит к заключению, что «основное содержание нашего эпоса формировалось в течение XIII и XIV вв. Это была эпоха татарского владычества, которое обуславливало подъем русского национального чувства»²⁾.

К такому же определению периода, в течение которого установилось содержание нашего эпоса, пришел еще в 60-х годах прошлого столетия Л. Майков. «Содержание былин Владимира цикла, говорит он, вырабатывалось в продолжение X, XI и XII вв., т.е. в первой половине удельно-вечевого периода, и установилось не позже времени татарского владычества, и даже именно той его эпохи, когда Москва не сосредоточивала в себя всю государственную силу Руси, и в народ была свежа память о первенствующем значении Киева. Такой эпохой можно считать вторую половину удельно-вечевого периода, в. XIII и XIV»³⁾. Таким образом, Л. Майков и дальнейшие исследователи, разделявшие его взгляды, предполагали, что общерусский богатырский эпос

¹⁾ См. Бытовые черты русских былин. Отд. оттиск из 58 и 59 книг Этнограф. Обзорения 1904 г., стр. 3.

²⁾ Там же, стр. 7.

³⁾ О былинах Владимира цикла, стр. 25—27.

началомъ своимъ восходилъ къ X, XI, XII вѣкамъ, и окончательно сложился въ періодъ татарскаго ига. Исслѣдователь не задумывался надъ вопросомъ, существовалъ ли этотъ эпосъ какъ обще-народный, извѣстный во всѣхъ частяхъ Руси, можно ли вообще его называть народнымъ въ томъ смыслѣ, какъ мы называемъ народными современныя былины, распространенныя среди крестьянскаго населенія нѣкоторыхъ сѣверныхъ губерній, или предки былины были созданіями извѣстной только группы населенія. Согласно историческимъ представленіямъ 60-хъ годовъ, Л. Майковъ, повидимому, думалъ, что «мѣстность, въ которой могли быть пѣты былины въ XII вѣкѣ, была южная Русь, вѣроятно, область Кіевская, въ предѣлахъ которой помѣщается большая часть происшествій, описываемыхъ въ былинахъ Владимірова цикла» ¹⁾, что затѣмъ въ теченіе дальнѣйшихъ вѣковъ, вслѣдствіе запустѣнія южной Руси, былины кіевского цикла перешли на сѣверо-востокъ, гдѣ были сохранены въ устахъ населенія и дошли до нашихъ дней.

Исторія суздальской Руси и затѣмъ московскаго княжества и государства представлялась Майкову, какъ и другимъ изслѣдователямъ того времени, какъ бы непосредственнымъ продолженіемъ исторіи кіевской Руси, или того же населенія, но продвинушагося на новыя мѣста. Этимъ объяснялась и непрерывность былинной традиціи. Другіе отвѣты на вопросы, связанные съ исторіей нашего эпоса, даетъ покойный М. Г. Халапскій въ своей магистерской диссертациі 1885 г. «Исслѣдователи русскаго эпоса, говоритъ онъ, почему-то выдѣляютъ Кіевскую область изъ прочихъ русскихъ областей, предполагая, что она была и единственною родиной древне-русскихъ народныхъ сказаній и разсадницею своихъ твореній по другимъ областямъ Руси, преимущественно сѣверо-восточнымъ. Это мнѣніе ни на чемъ не основано... Развѣ древне-русская народная жизнь сосредоточивалась въ одной Кіевщинѣ? Развѣ каждое славяно-русское племя, даже каждое удѣльное княжество, не могло создавать своихъ мѣстныхъ сказаній, не могло выводить на свѣтъ своихъ героевъ, не могло пѣть пѣсень объ ихъ подвигахъ?.. При господствѣ удѣльно-вѣчевого начала, при слабой связи отдѣльных областей въ древней Руси, не могло и быть единаго, *общерусскаго* эпоса. Общерусскій древній эпосъ—такая же фикція, какъ и древній обще-русскій языкъ. Племена жили *особь* «имяхуть бо обычая своя, и законы отецъ своихъ и преданья каждо своя норовъ»; у каждаго были *свои* герои и *свои* сказанія о нихъ: былъ эпосъ новгородскій или словенскій, былъ кіевскій или полянскій... На основаніи показаній тверской лѣтописи нужно признать существованіе ростовскаго эпоса. Сказанія, занесенныя въ Никоновскую лѣтопись, свидѣтельствуютъ о существованіи мѣстнаго черниговскаго эпоса и т. д. Общерусскаго въ этихъ областныхъ эпосахъ было очень немного, какъ немного было въ древней исторіи событій, въ которыхъ бы принимали участіе всѣ русскія племена... Несомнѣнно, однако, что о Владимірѣ I знали всѣ русскія племена, не столько впрочемъ какъ о воинѣ, сколько о великомъ реформаторѣ, произведшемъ сильный переворотъ въ теченіи народной жизни» ²⁾

¹⁾ Тамъ же, стр. 31.

²⁾ Великорусскія былины Кіевского цикла. 1885 г., стр. 9—10.

Согласно съ этимъ, вторымъ и главнымъ положеніемъ диссертациі изслѣдователя было слѣдующее: «Въ древней Руси существовало нѣсколько областныхъ эпосовъ. Былины кіевскаго цикла представляютъ собою народный эпосъ великорусовъ, сложенный на основаніи различныхъ областныхъ сказаній, между которыми главнѣйшее мѣсто принадлежитъ сказаніямъ сѣверо-восточнымъ (ростовскимъ, муромскимъ, рязанскимъ и московскимъ), а затѣмъ кіевскимъ и друг.»

Мы не будемъ останавливаться на разборѣ мнѣній Л. Майкова, М. Халанскаго, А. В. Маркова и другихъ относительно періода, въ который установилось содержаніе нашего былевого эпоса, такъ какъ наше отношеніе къ этимъ мнѣніямъ выяснится впослѣдствіи. Приведенные выше взгляды, конечно, являются результатомъ комбинаціи былинныхъ данныхъ съ общимъ ходомъ нашей исторіи. Несомнѣнно, что только такимъ путемъ и возможно уяснить, хотя бы до пѣкоторой степени, возникновеніе и дальнѣйшую эволюцію былевого эпоса, но для возможно болѣе полного отвѣта на этотъ вопросъ историкъ народныхъ сказаній, дошедшихъ до нашего времени подъ названіемъ «старинъ», долженъ неминуемо руководиться разысканіями специалистовъ-историковъ русскаго народа.

Эпическая поэзія одно изъ проявленій духовной жизни народа, неразрывно связанное со всѣмъ строемъ какъ матеріальной, такъ и духовной жизни вообще.

Задаваясь вопросомъ, въ какое время, въ какой средѣ, при какихъ условіяхъ могло появиться произведеніе, воспѣвавшее какого-нибудь героя и поэтизировавшее совершенное имъ дѣло, мы должны вникнуть въ цѣлый рядъ другихъ вопросовъ, безъ рѣшенія которыхъ всѣ наши домыслы будутъ лишь гадательны. Мы должны уяснить себѣ, въ какихъ бытовыхъ условіяхъ жило населеніе, въ которомъ могло зародиться эпическое поэтическое сказаніе, каково было его матеріальное состояніе, его культура, какіе классы или группы этого населенія стояли во главѣ, каково было народное или классовое сознаніе и каковы идеалы, каковы были внѣшнія отношенія къ сосѣднимъ народамъ и мног. друг. Только внимательное изученіе культурной и политической исторіи народа въ теченіе ряда столѣтій дастъ намъ возможность отвѣтить и на историко-литературные вопросы: оно можетъ уяснить намъ, какіе періоды благоприятны были для прогресса духовной и матеріальной жизни народа, и какіе временно ослабляли прогрессивное движеніе или направляли его односторонне, какой классъ населенія руководилъ его духовной жизнью и проявлялъ себя въ литературѣ и искусствѣ, и какія условія вызвали появленіе тѣхъ или другихъ памятниковъ какъ въ той, такъ и въ другомъ. Только послѣ внимательнаго ознакомленія съ эволюціей исторической жизни русскаго народа, мы уяснимъ себѣ, напримѣръ, были ли XIII и XIV вѣка дѣйствительно тѣмъ періодомъ, въ который установилось содержаніе былины такъ называемаго Владимірова цикла, какъ думаютъ нѣкоторые изслѣдователи, или отъ этой мысли придется отказаться и представить себѣ иначе историческій ходъ нашего эпоса.

Въ числѣ сюжетовъ, дошедшихъ до насъ въ былинной обработкѣ, можно различать три группы: 1) Былины несомнѣнно, или болѣе или менѣе вѣроятно, сложенные въ Новгородѣ или въ его культурномъ районѣ и не вышедшія въ боль-